

Обнинский Виктор

Новый строй

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор О.**
Новый строй / Обнинский Виктор – М.: Книга по Требованию, 2025. – 158 с.

ISBN 978-5-521-25790-4

ISBN 978-5-521-25790-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Случайно спасшійся во время покушенія на предсѣдателя совѣта министровъ, на Аптекарскомъ островѣ, депутатъ Мухановъ рассказывалъ, что не слышалъ звука взрыва, произведшаго такое страшное опустошеніе въ домѣ и убившаго столько людей. Въ полной тишинѣ Мухановъ былъ сброшенъ со стула, не потерявъ сознанія и, вставъ на ноги, больше всего поразился наступившей темнотой: это штукатурка обратилась въ мельчайшую пыль, въ которой дышать становилось невозможно. И лишь послѣ этого онъ замѣтилъ въ двухъ шагахъ отъ себя неподвижную фигуру перемоніемейстера Воронина, спокойно остававшагося на своемъ мѣстѣ; недоставало только головы...

Это непосредственное наблюденіе физическаго закона, по которому находящійся въ зонѣ сотрясенія воздуха не слышитъ никакого звука, въ то время, какъ громъ раздается на много верстъ кругомъ, можно расширить безъ боязни впасть въ преувеличеніе. Эпохи, подобныя той, что пережила Россія, всегда характеризуются понятіемъ взрыва, и не безъ основанія; крушеніе устоевъ, вчера еще казавшихся прочными, неожиданныя и часто роковыя перемѣненія отдѣльных лицъ и группъ населенія, стѣсненная репрессіями общественная атмосфера, бурный ходъ событій, радикализмъ правительства, считающаго себя обязаннымъ ликвидировать государственное бѣдствіе; злоупотребленія, обычныя при такихъ чрезвычайныхъ условіяхъ жизни,—все выноситъ государственнй организмъ далеко за предѣлы повседневности, нарушая сложившіяся функціи и надолго разстраивая его кровообращеніе.

Эти взрывы, будучи лишь историческими мгновеніями, захватываютъ иногда жизни цѣлыхъ людскихъ поколѣній, и что мудренаго,

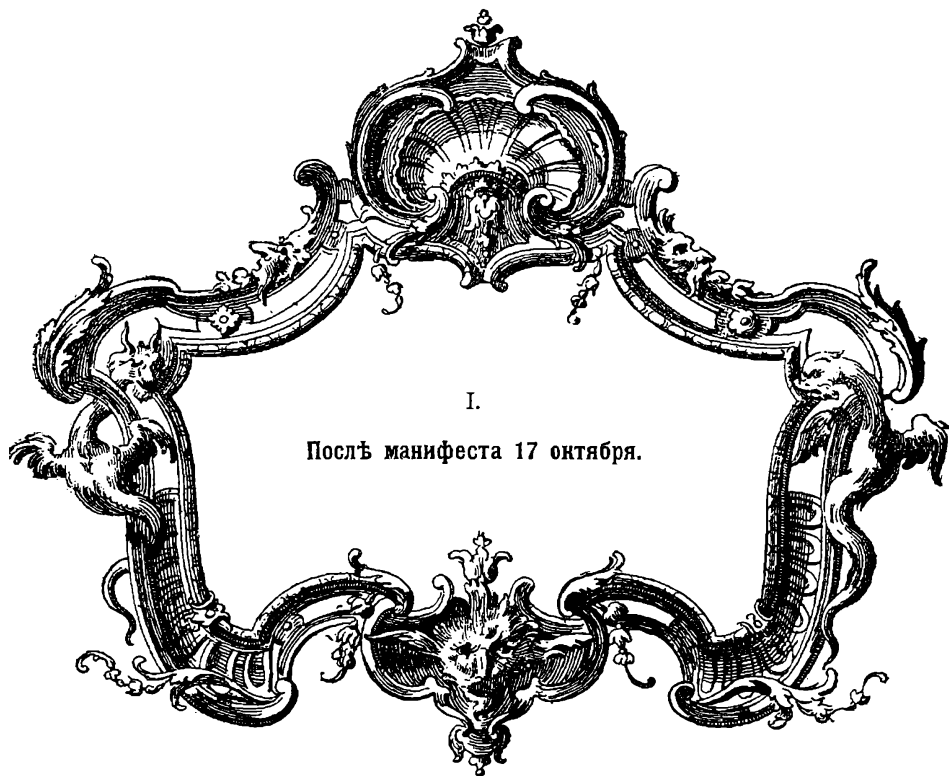
что, не слыша звука, иные склонны думать и утверждать, что сотрясенія-то и нѣтъ, что царить покой.

Въ такія минуты сомнѣнія полезно бываетъ окинуть бѣглымъ взоромъ окружающую обстановку. Если человѣческая жизнь обезцѣнена, если атмосфера насыщена такимъ неуваженіемъ къ законамъ, что гражданская жизнь становится невозможной и отсутствуетъ увѣренность въ каждомъ наступающемъ днѣ; если на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы встрѣчаются намъ обездоленные, а дѣйствія отдѣльныхъ правительственныхъ частей не координированы и носятъ характеръ шаткости, то всѣ признаки грандіознаго катаклизма налицо, и нельзя говорить о государственномъ покоѣ, какъ нельзя и предвидѣть всѣхъ послѣдствій катастрофы. Анализъ ея, нелицепріятный судъ надъ виновниками — все это задачи исторіи. Намъ, участникамъ и жертвамъ, отводится скромная роль простыхъ свидѣтелей, искренность и правдивость которыхъ является необходимымъ условіемъ не только правильности приговора, но и жизненности новыхъ формъ государственнаго устройства.

Такимъ собраніемъ частичныхъ свидѣтельскихъ показаній надлежитъ оставаться и предлагаемой читателю книгѣ. Уклоняясь отъ всякихъ обобщеній и предсказаній, авторъ оставляетъ все-таки за собой право вносить въ обзоръ событій ту долю субъективизма, что подсказана будетъ воспоминаніями о личномъ участіи въ политической жизни послѣднихъ лѣтъ.

Не все здѣсь равно безспорно въ фактическомъ отношеніи. Наряду съ официальными документами приходилось оперировать сообщеніями, хотя и неопровергнутыми, но остающимися на отвѣтственности ихъ оглашавшихъ; изъ послѣднихъ, впрочемъ, выбиралось только наиболѣе точно установленное. Что касается до систематизаціи свѣдѣній и общаго расположенія матеріала, слишкомъ обширнаго для того, чтобы быть вполне использованнымъ въ этомъ обзорѣ, то они отступаютъ иногда отъ строгой хронологичности; авторъ хотѣлъ дать лишь элементарный очеркъ современнаго состоянія Россіи, показавъ попутно и наличность мощнаго, доселѣ не закончившагося процесса разложенія во всѣхъ слояхъ государственнаго тѣла.

I.

Послѣ манифеста 17 октября.

Возникшій вскорѣ послѣ заключенія мира съ Японіей вопросъ о конституціи былъ поставленъ сколько-нибудь опредѣленно лишь въ началѣ октября. Обычныя въ высшихъ правительственныхъ сферахъ тренія усиливались вспыхнувшей въ то же время всеобщей забастовкой, отдѣлившей столицу отъ страны, и еще 16-го октября будущій строй Россіи рисовался наверху правленія столь же неясно, какъ и внизу.

Слѣшность, съ которой былъ составленъ, обсужденъ, подписанъ и изданъ манифестъ, обращавшій Россію въ конституціонное государство, отразилась и на всѣхъ дальнѣйшихъ стадіяхъ этого обращенія; она какъ бы дала тотъ быстрый, порывистый темпъ теченію событій, къ которому только долго спустя привыкло наше сознаніе.

Способность ярко реагировать на яркія явленія естественно должна была постепенно притупляться, но значеніе явленій не стало отъ того меньшимъ. Нельзя, поэтому, основывать никакихъ заключеній на томъ или иномъ отношеніи населенія къ фактамъ аналогичнаго характера, раздѣленнымъ между собой промежутками тревожнаго времени; такъ, напримѣръ, роспуски первой и второй Государственныхъ Думъ, разоблаченіе кн. Урусова и дѣло Азефа, аграрное сообщеніе перваго парламента и законъ 9 ноября—всѣ эти событія вызывали волны разной высоты, далеко, впрочемъ, не достигавшей до подъема, наступившаго послѣ изданія манифеста 17 октября. Въ непривычной и жуткой тишинѣ остановившейся съ начала мѣсяца жизни призывъ Монарха къ успокоенію, объявленіе свободы и дарованіе законодательныхъ правъ Государственной Думѣ прозвучали съ рѣзкостью, дотолѣ неслыханною. Нельзя было, конечно, ожидать, чтобы на слова этого высокаго акта всѣ отозвались бы съ одинаковой готовностью внести свою долю труда въ ликвидацію водворившейся еще съ 9 января смуты; но съ другой стороны, едва ли у многихъ возникали тогда опасенія той контръ-революціонной вспышки, свидѣтелями которой довелось быть такъ скоро многимъ русскимъ городамъ. Россія вступала въ полосу «неограниченныхъ возможностей», и нельзя указать и нынѣ конца этого тяжелаго пути.

Почта и телеграфъ еще бездѣйствовали въ утро 17 октября. Мѣстныя власти оставались во все время забастовки внѣ прямыхъ сношеній съ центральнымъ правительственнымъ органомъ и немудрено, что многіе представители ихъ требовали подтвержденія манифеста особыми распоряженіями прежде, нежели рѣшались объявлять населенію Высочайшую волю. Сомнѣнія эти къ серединѣ дня 18 октября были разсѣяны, и текстъ манифеста сдѣлался извѣстнымъ городскому, по крайней мѣрѣ, населенію. Однако, полная несогласованность дѣйствій отдѣльныхъ органовъ правительства, отсутствіе предварительнаго соглашенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго съ оберъ-прокуроромъ синода и другія неизбежныя послѣдствія всякой спѣшки въ дѣлахъ государственной важности, не замедлили отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на ближайшихъ къ манифесту дняхъ и были одной изъ причинъ возникшихъ демонстрацій, которыя легли столь темнымъ пятномъ на свѣтлый фонъ тогдашняго общественнаго настроенія. Къ тому же, конституція застала большую часть населенія неподготовленной къ ея воспріятію,—слишкомъ долго ожидаемый дорогой гость часто застаётъ врасплохъ извѣрившуюся въ его приходѣ семью. Справа и слѣва болѣе развитой массы находились какъ разъ тѣ группы, среди которыхъ пропаганда крайнихъ рѣшеній могла встрѣтить благодарную почву. И если вліяніе слѣва не отри-

цается политическими партиями, поставившими на своих знаменах вполне определенные надписи, то вопрос о воздѣйствіи справа и доселѣ не потерялъ своей остроты и таинственности. Дѣло въ томъ, что въ дни 18—30 октября не существовало партій правѣ конституціонно-демократической, и будущіе кадры, такъ называемыхъ «монархическихъ» организацій, находились еще въ распыленномъ состояніи; техника же патріотическихъ манифестацій была повсюду настолько однообразна, стройна по плану и выполнению, что мысль о наличности организованнаго руководства напрашивалась сама собой. Организованы же въ то время были только правительство и его оппозиція. Совершенно, поэтому, определенно было выдвинуто въ известной части печати, а затѣмъ въ запросѣ Государственной Думы, обвиненіе въ контръ-революционной пропагандѣ и даже самой организаціи выступленій—чиновъ правительства и администраціи. Столь же категорически правительство отрицало какое-либо воздѣйствіе свое на невѣжественныя массы и ручалось за то, что ни одно административное мѣсто или лицо не получало отъ него ни санкціи, ни указаній. Такимъ образомъ какъ бы выяснялось существованіе третьей, самой сильной группы, открытію которой были посвящены немалыя усилія первой Думы, печати и даже такихъ высокихъ чиновъ правительства, какъ предсѣдатель совѣта министровъ, директоръ департамента полиціи, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и др.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ обзору документальныхъ данныхъ, положенныхъ въ основу сообщеній печати думскихъ запросовъ, мы должны посѣтить тѣ города, гдѣ дни свободы были наиболѣе омрачены проявленіями того движенія, которое въ концѣ концовъ выразилось въ погромахъ.

Какъ уже сказано, день 17 октября не сулилъ ничего печальнаго. Правда, ни одна изъ тогдашнихъ политическихъ партій не была удовлетворена манифестомъ, неясность положеній коего вызвала столько же сомнѣній, сколько и самая способность стоявшихъ во главѣ правленія лицъ осуществить задачи, указанныя Монархомъ. Въ резолюціяхъ сѣзда констит.-демократической партіи, забастовочнаго желѣзнодорожнаго комитета, центрального бюро союза союзовъ, забастовочнаго комитета при бюро союза чиновниковъ, академическаго союза, правленія Пироговскаго общества врачей и др.,—всюду звучитъ эта нота недовѣрія. Съ другой стороны, городскія и земскія управы, нѣкоторые университеты и другія учрежденія спѣшатъ выразить свою радость и готовность содѣйствовать правительству. Наконецъ, настроеніе массъ, приподнятое и оживленное, чуждое опасливости политическихъ бюро, определенно указывало на популярность тезисовъ манифеста и вѣру въ ихъ исполненіе. Общее единодушіе

проявлялось только въ требованіи амнистіи политическимъ преступникамъ и освобожденіи заключенныхъ. Начиная съ посѣщенія графа Витте В. Семевскимъ и проф. Н. Карѣвымъ, съ резолюцій митинговъ и собраній, кончая депутаціями горожанъ къ губернаторамъ и прокурорамъ, повсюду выдвигается просьба объ амнистіи. Въ Москвѣ, Виндавѣ, Саратовѣ, Ташкентѣ, Ревелѣ, Баку, Новочеркасскѣ, Одессѣ, Ковнѣ, Козловѣ и многихъ другихъ городахъ администрація на свой страхъ освобождаетъ часть заключенныхъ. Кое-гдѣ толпа сама распоряжается у тюремъ (Полтава, Новозыбковъ), встрѣчая подчасъ сопротивленіе караула, исполняющаго свой долгъ, при чемъ проливается и первая кровь этихъ дней; такъ, въ Севастополѣ было около тюрьмы убито шесть человекъ, но манифестанты все-таки сохранили спокойствіе. Къ 21-му октября, когда вышелъ указъ сенату объ амнистіи, вопросъ этотъ временно потерялъ остроту, и демонстраціи у тюремъ прекратились, тѣмъ болѣе, что вниманіе обывателей направилося въ иную сторону.

Уже 17 числа появились признаки той двойственности въ дѣйствіяхъ администраціи, которая такъ подчеркивалась потомъ сторонниками взгляда объ участиіи чиновъ правительства въ контръ-революціи. Обстрѣлъ петербургскаго технологическаго института, атака конно-гвардейскимъ эскадрономъ, вопреки запрещенію полиціи, уличной толпы, стрѣльба на Загородномъ проспектѣ, явное противорѣчіе между приказами генерала Трепова и распоряженіями гр. Витте,—это уже указывало на раздвоеніе власти. Соотношеніе этихъ двухъ вліяній было при этомъ таково, что, напримѣръ, совѣтъ рабочихъ депутатовъ отказался отъ демонстративныхъ похоронъ убитыхъ за 17—19 октября людей, боясь грандіознаго разстрѣла процессіи. Въ то же время появились первыя воззванія къ избіенію интеллигенціи и начались нападенія небольшихъ группъ простонародья на рабочихъ, студентовъ и др. лицъ. Союзъ союзовъ призывалъ къ самооборонѣ, указывая на возможность погрома. Спѣшно кинулись раскупать оружіе, во многихъ мѣстахъ начались дежурства дружинниковъ и къ 29-му октября Петербургъ былъ покоенъ,—силы перемѣстились въ невыгодномъ для лицъ, желавшихъ вызвать уличные беспорядки, направленіи. По той же причинѣ прошли безъ кровопролитія и необычайныя похороны Баумана въ Москвѣ; но вечеромъ, по возвращавшимся съ кладбища отдѣльнымъ группамъ студентовъ была открыта у самаго зданія университета стрѣльба, въ которой приняли участіе казаки, находившіеся въ манежѣ, при чемъ было ранено и убито около сорока человекъ. Съ утра 21-го начались въ Москвѣ систематическія нападенія на интеллигенцію и рабочихъ, и графу Витте пришлось снова сноситься съ ген. Треповымъ о прекращеніи этихъ явленій.

Независимо отъ того, были ли эти избіенія кѣмъ-либо внушены, слѣдуетъ разъ навсегда установить, что въ большихъ городахъ, каковы обѣ столицы, всякія попытки къ массовому вооруженному выступленію заранѣе обрекаются на неудачу. Милліонное населеніе является собою плотину, о которую разбивается всякое стремленіе вызвать затяжные безпорядки, и только популярность идеи, положенной въ ихъ основу, можетъ привести къ частичному и временному успѣху, какъ то было во время московскаго вооруженнаго возстанія; идея погрома не могла найти здѣсь многихъ сторонниковъ и, какъ бы ни была выполнена, большого вреда не нанесла бы ни людямъ, ни движенію, увлекавшему ихъ.

Не то въ губернскихъ и уѣздныхъ центрахъ. Вліяніе мѣстной власти, процентное соотношеніе вооруженной силы, сознательнаго населенія и городского отребья, все сказывается сильнѣе на мѣстномъ обиходѣ. Здѣсь же, на периферіи, склонны преломляться и искажаться всякія распоряженія изъ центра. Даже въ столицахъ телеграммы, подобныя той, что была разослана по участкамъ московскимъ градоначальникомъ Медемомъ, вечеромъ 18-го октября, могли быть истолкованы превратно; она гласила: «Внушить всѣмъ окологороднымъ и городовымъ, чтобы они въ случаѣ патріотическихъ манифестацій не оказывали сопротивленія, а, наоборотъ, содѣйствовали охраненію порядка». Какъ понимаютъ такого рода обращенія низшіе полицейскіе чины, извѣстно каждому обывателю; поэтому жители замоскворѣчья не были удивлены, когда начали получать приглашеніе черезъ полицію участвовать въ манифестаціи, при чемъ дворники входили въ составъ будущей процессіи по служебному своему положенію; объявлялось при этомъ, что пойдутъ «тѣ, что за царя». Отождествленіе правительства съ Монархомъ, проводимое, какъ ниже увидимъ, до высшихъ предѣловъ управленія страной, въ данномъ случаѣ особенно должно было сказываться на отношеніи низовъ населенія къ организованной его части; то, чего не подумали бы сдѣлать въ защиту отдѣльныхъ органовъ или лицъ правительства, легко приходило на умъ при упоминаніи объ умаленіи правъ государя, угрозъ его жизни. Схема пропаганды, опять же, независимо отъ ея агентовъ, становилась проста и коротка: «Забастовщики, евреи, студенты—противъ царя, простой народъ за него. Истребленіе красомольниковъ — дѣло патріотическое». На такой канвъ всякія руки могли вышивать узоры, и въ одну недѣлю возникъ, бурно протекъ и плачевно закончился рядъ погромовъ. Программа ихъ поражала однообразиемъ: толпа, впереди которой несли національные флаги и портреты Государя Императора въ хорошихъ золоченыхъ рамахъ, подходила къ губернаторскому дому; губернаторъ становился иногда во

главѣ шестія, направлявшагося затѣмъ къ соборной площади, гдѣ архіерей служилъ молебенъ; въ хвостѣ процессіи замѣчались группы нетрезвыхъ людей, среди которыхъ обычно и возникала мысль объ истребленіи крамольниковъ. На второй день безпорядки начинались съ утра, а на третій быстро прекращались по объявленіи запрещенія всякихъ вообще процессій. Среди манифестантовъ циркулировали списки будущихъ жертвъ погрома и находились вожаки, хорошо ориентировавшіеся среди городскихъ улицъ и квартиръ. Дѣйствія гражданской и военной властей не всегда согласовались; но и въ тѣхъ случаяхъ, когда гражданская слагала свои полномочія въ пользу военной, теченіе и результаты манифестацій оставались неизмѣнными. Вздорный слухъ о томъ, что «евреевъ разрѣшено бить три дня», находилъ какъ бы подтвержденіе въ трехдневномъ срокѣ большинства погромовъ, а неосторожныя слова иныхъ начальствующихъ лицъ комментировались въ томъ же смыслѣ. Постепенно нарастало общее мнѣніе о прикосновенности властей не только къ искусственному возбужденію инертной части населенія, но и направленію ея на разгромъ имущества и лишеніе жизни мирныхъ гражданъ. Острота момента, слѣдовавшаго за манифестомъ, способствовала, вѣроятно, укрѣпленію такого мнѣнія въ широкихъ массахъ, и хотя послѣдующія разоблаченія и отчеты сенаторовъ-ревизоровъ внесли въ него нѣкоторыя поправки, но искоренить не могли, равно какъ не искоренило его и оправданіе сенатомъ преданныхъ суду за бездѣйствіе власти градоначальниковъ и губернаторовъ. Такимъ образомъ, правильное или нѣтъ, сомнѣніе въ неприкосновенности правительства къ контръ-революціи существовало, разлагая порядокъ и безмѣрно затрудняя положеніе и политику самого правительства.

Октябрьскіе погромы захватили преимущественно тѣ города, гдѣ и освободительное движеніе проявлялось съ особой силой. Нельзя отрицать наличности нѣкотораго раздраженія, вызваннаго забастовками, отражавшимися на благосостояніи круговъ, къ политическому движенію относившихся если не отрицательно, то совершенно равнодушно. Что касается до демонстрацій съ красными флагами и митинговъ революціоннаго характера, то едва ли они оказывали какое-нибудь вліяніе на пробужденіе патріотическихъ чувствъ; иное дѣло — обвиненіе демонстрантовъ въ уничтоженіи извѣстныхъ эмблемъ, портретовъ царствующаго императора, вензелей, флаговъ, надписей и т. п.; чрезвычайно трудно оказывалось установить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ истинныхъ виновниковъ этихъ поступковъ, бывшихъ прежде всего невыгодными для крайнихъ политическихъ группъ; но какъ бы то ни было, на такихъ актахъ искусно играла пропаганда избіевій, и чѣмъ интенсивнѣе, гдѣ шла общественная жизнь до

17-го октября, тѣмъ болѣе ожесточенный характеръ носили тамъ и погромы. Они переходили иногда даже въ хроническую форму, какъ то было въ Одессѣ.

Большой процентъ евреевъ въ городѣ и босяковъ въ порту создавали особенно удобныя условія для погрома въ *Одессѣ*, начавшагося 19 октября, послѣ обычныхъ слуховъ объ оскверненіи евреями религиозныхъ и національных святынь. По городу проѣхалъ, стоя въ коляскѣ, градоначальникъ Нейдгардтъ, съ портретомъ Государя Императора; ген. Каульбарсъ отказалъ, на пріемъ депутатовъ отъ города, въ приказѣ войскамъ дѣйствовать, и 20-го октября погромъ принялъ стихійный характеръ. Объявленіе Нейдгардта о письмѣ 30.000 мѣщанъ, якобы обѣщавшихъ разгромить университетъ, снятіе имъ же полицейскихъ постовъ и другія распоряженія не только не вносили порядка, но еще сильнѣй разжигали страсти. Къ вечеру 21-го, когда значительная часть еврейскихъ домовъ и магазиновъ была разгромлена, а убитые и раненые переполняли городскія больницы, вышелъ приказъ ген. Безрадецкаго о подавленіи насилія оружіемъ; на утро погромъ затихъ.

Въ *Кіевѣ* погромъ начался 18-го, одновременно съ молебномъ въ соборѣ; онъ сразу принялъ широкіе размѣры, почему уничтоженіе еврейскихъ домовъ и лавокъ было закончено уже на второй день. Полицеймейстеръ Цихонскій въ послѣдствіи былъ преданъ суду, переведенъ на ту же должность въ Тифлисъ, гдѣ и застрѣлился въ 1908 году. Между тѣмъ, дѣйствія отдѣльных чиновъ кіевской полиціи, исполнявшихъ свой долгъ, показали на легкость прекращенія погрома въ любой моментъ, несмотря на невѣрные свѣдѣнія, которыми преступники придавали официальный характеръ; такъ, слухъ о поджогѣ евреями голосѣвскаго монастыря и взрывѣ пороховыхъ складовъ былъ пущенъ по спеціальному телеграфу. Политехникумъ, университетъ, городская дума и отдѣльныя группы жителей Кіева обратились къ гр. Витте съ настолько серьезными представленіями о погромѣ, что и сюда была назначена сенаторская ревизія.

Въ *Кременчугѣ*, послѣ разгона митинга въ народной аудиторіи, при чемъ двое было убито, а десять тяжело ранено. Установлена помощь отдѣльных нижнихъ чиновъ; а въ газетахъ открыто обвинялся мѣстный полицеймейстеръ, якобы получавшій отъ богатыхъ евреевъ по 3.000 рублей въ годъ за недопущеніе погрома; причиной послѣдняго и было будто бы неаккуратное доставленіе платы.

Ростовскій погромъ (на Дону) развился изъ противоеврейскихъ беспорядковъ, бывшихъ въ началѣ октября, и осложнился поджогами, вслѣдствіе которыхъ выгорѣли цѣлыя кварталы. По свѣдѣніямъ германскаго консула, за три дня погрома было убито 176, ранено около

500 человекъ. Одинъ изъ нахичеванскихъ гласныхъ, внесшій въ думу предложеніе «выразить Государю Императору любовь и преданность, а его сіятельству С. Ю. Витте признательность городского населенія за мудрый и мужественный докладъ», утверждаетъ въ томъ же предложеніи: «Въ дѣйствіяхъ толпы замѣчалась полная планомѣрность. Она вышла съ иконами, національными флагами и портретами государя и, кощунствуя надъ этими святынями для сердца русскаго человека, остановилась у предназначенныхъ къ разгрому магазиновъ и при крикахъ «шапки долой!» и «ура!», помогала громиламъ и ворами разбивать и расхищать магазины».

Въ *Оршѣ* было убито болѣе сорока человекъ, исключительно евреевъ; показаніями православныхъ свидѣтелей установлено участіе нѣсколькихъ полицейскихъ чиновъ.

Кишиневскій погромъ былъ остановленъ въ одинъ день, убито 60, ранено 200. По докладу гр. Витте, котораго въ этотъ же день приговаривали на кишиневскихъ площадяхъ къ смерти, какъ «ставленника жидовъ», объявлена властямъ Высочайшая благодарность за скорое прекращеніе избиенія.

Въ *Саратовѣ*, несмотря на увѣщанія П. А. Столыпина, бывшаго тогда губернаторомъ, безчинства толпы продолжались два дня, при чемъ изъ сотни пострадавшихъ 12 было убито.

Въ *Одессѣ*, гдѣ поджигались общественныя зданія съ людьми, при чемъ пожарнымъ не позволяли тушить огня, пострадало тоже около ста человекъ. Участникъ погрома, грузчикъ Крыловъ, подробно описываетъ организацію погромной процессіи и устанавливаетъ участіе полицейскаго чиновника.

Въ *Казани* начали стрѣлять по манифестантамъ милиціонеры, почему ожесточеніе толпы естественно возросло. Войсками были обстрѣляны городская дума, публичная библіотека и общественный банкъ.

Ярославскіе манифестанты избивали студентовъ на глазахъ представителей мѣстной администраціи. Дома евреевъ подвергались разгрому; большую часть толпы составляли грузчики судовъ. Профессора Демидовскаго лицея по телеграфу просили привлечь губернатора къ отвѣтственности.

Съ тою же просьбой командировала *Калужская* губерн. зем. управа своего предсѣдателя, Обнинскаго, въ Петербургъ. Докладъ депутаціи совпалъ съ донесеніемъ мѣстнаго жандармскаго управленія, но отвѣтственности никто не подвергся; впрочемъ, и самый погромъ не носилъ здѣсь того ожесточенія, что въ другихъ городахъ, хотя были и раненые, и звѣрски убитые.

Въ *Тульѣ* было убито болѣе сорока, ранено около ста человекъ.